

Николай Кудин
ПОД ВЗГЛЯДОМ
ПРИСТАЛЬНОГО
ЧУДОВИЩА

Николай Кудин
Под взглядом
пристальным чудовищ
Серия «Новые стихи»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41852360
ISBN 978-5-04-102382-9

Аннотация

Как ходили по Васильевскому острову германовские персонажи 200 лет, так и ходят. Скажут что-то впроброс, в сторону и исчезнут. И прислушиваясь к ним с детства, сочиняет и Николай Кудин. Может, дело в островной судьбе, но печать оставленности стоит и на этих лицах, и на этих стихах. Словно кто-то был здесь недолго и ушел, а теперь мы, каждый на свой лад, рассказываем о нем: то ли его штормом выкинуло, то ли он спасать нас приходил; то ли он счастливо сбежал, то ли вознесся. А нас слушают наши чудовища, такие же оставленные, только не говорят ничего.

Содержание

«Убирать за собой – лишний труд...»	5
«И снилось мне семейство Лота...»	7
«Что-то там с сундуком и дубом колдует опять кощей...»	10
«Солнце так потянули прямохонько в ночь...»	11
«Закрыт на нескончаемый ремонт...»	13
«Дорога шла неровными отрогами...»	15
«Цепляется взгляд за последние тени...»	17
«То ли солнце в преддверии тьмы...»	18
«В белом сне, в твоём покое мутном...»	21
«Лес опадает, одновременно знакомый...»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Николай Кудин
Под взглядом
пристальным чудовищ

© Кудин Н.Н., 2019

© Оформление. ООО "Издательство "Эксмо", 2019

«Убирать за собой – лишний труд...»

Убирать за собой – лишний труд,
как в кино, чай остался не допит.
Скоро август, и реку запрут,
и долину затопит.
Нам пора уезжать. Забери,
что я утром сложил у порога.
Ну, два месяца счастья, ну, три —
больше много.

Заполняется грязной водой
топкий мир в перевернутой чаше.
Снизу месяц глядит молодой
на забытое наше.
Мир растет, будто свежий ожог,
ни секунды уже не кручинясь
обо всем, что случилось, дружок,
или нет, не случилось.

Слишком мало он нас различал,
да и мы не могли быть надменной.
И в песках позабытый причал
ждет родных наводнений.
Искупались в пыли острова,

и прогнозы дождями набрякли.

Ну, полгода несчастья, ну, два —
больше вряд ли.

«И снилось мне семейство Лота...»

И снилось мне семейство Лота —
они брели до поворота,
вцепившись в траченную кладь,
томясь в стараньях непрестанных,
чтоб даже тень того, чем стал их
дремучий дом, не увидеть,
и множа в памяти на нуль все,
включая тех, кто оглянулся
с невнятным вздохом «погоди»,
вдыхая дым горящих крыш, но
не удивляясь, что не слышно
предсмертных криков позади.
"Нет, верно, даже поднатужась, —
они шептали, — этот ужас
нам не вообразить вполне,
нам не представить казнь, в которой
Содом, всех нас голодной сворой
травивший, гибнет в тишине».
Они свернули, обсуждая,
что здесь дорога не крутая
и лучше было бы верхом...
А сзади россыпью горошин
их город, праведником брошен,
темнел нетронутым грехом.

Громадой зла, кровосмешений,
лжецов, убийц, живых мишеней,
где нечистоты и тщета
вставали с чердаками вровень,
а то, что мнилось дымом кровель,
пускали люди изо рта.
И небо тоже задымилось,
сокрыв стыдливо эту милость
от тех, кто шли сейчас втроем,
чтобы поведать, Бога ради,
не о спасенье и пощаде,
а о сожженных здесь живьем.
И заключен в соитье грубом,
союз блудницы с душегубом
крепчал, как кованый металл,
а если кто, наевшись адом,
вдруг чем-то брезговал, с ним рядом
сидящий только хохотал.
Они, как мелкая посуда,
все появлялись ниоткуда
и исчезали без числа,
чтоб возродиться чем похлеще.
И я узнал все эти вещи,
и я промолвил «мать честна».
Все эти камни, эти лица,
и хирургическая спица
в хребте осмысленной судьбы,
болезнь, торгующая бойко,
попойка, брошенная стройка,

распотрошенные гробы...
Все солоней, все несуразней,
под гнетом оглашенных казней,
как будто прячась от отца,
заместо пламени и серы
накрытый жалостью без меры
и снисхождением без конца,
там, где жестокие пустыни
сто раз нагрелись и остыли,
наш город, темный и живой,
лежит, в беспечности болтаясь,
пускай под сенью жутких таинств
он погребен людской молвой.
В своем неведомом веселье
уходят праведные семьи,
за обреченных помолясь,
а на Содом и на Гоморру,
как прежде, нету угомону.
Лишь иногда, настроив связь,
услышишь через тихий шорох,
как в посторонних разговорах
среди рассуждений о своем —
о ценах, детях, новых метлах,
о нас вдруг скажут, как о мертвых.
Но это мы переживем.

«Что-то там с сундуком и дубом колдует опять кощей...»

Что-то там с сундуком и дубом колдует опять кощей,
в сотый раз собирая матрешку свою воедино.
Люди, прощаясь, избавляются от вещей,
словно после долгого-долгого карантина.
Кризис – грязная штука и холостой режим.
В памяти, в выделениях, в жуткой своей природе
пережить такое нельзя. Вот ты и не пережил.
Со временем как-то очухался, заулыбался, вроде.
Но ночами они приходят, заявляются сразу все.
И то, куда им теперь? Укройте, спрячьте...
Месяц-другой в безветренной полосе
и уже бесполезно привязывать себя к мачте.
Опадают узлы, из ушей вытекает воск,
над водой туманом встает неподъемный морок.
В голове творится уже совершенный босх,
состоящий только из профилей и поговорок.
Ничего, кроме пены и соли, где только что были мы,
тихий ход и память сверхзвуковая.
И команда, заткнувши уши, глядит с кормы,
ничего не слыша и словно не узнавая.

«Солнце так потянули прямохонько в ночь...»

Солнце так потянули прямохонько в ночь,
как и им приходилось на свадьбах волочь
перепивших гостей под смешочки «готов!»
от стола после пятого тоста.

Но с тех пор здесь повымело святость и срам,
и деревня умолкла, и к этим дворам
если кто-то еще посылает сватов,
то покойники разве с погоста.

Не ищи по следам, все следы здесь – твои,
ибо некому тут проложить колеи.
Только пьяница ветхий, стоящий с трудом
и хохочущий вслед горожанам,
да четыре старухи с обломками плеч.
И стоит, осыпаясь, кирпичная печь
там, где прежде виднелся подкрашенный дом,
год назад сокрушенный пожаром.

Это лучшая доля, какой не украсть —
от тебя остается горячая часть,
а горячая часть, пережженная в прах,
норовит раствориться в земле.
Ну а то, что они подоспели спасти,

умещается даже в дрожащей горсти
и лежит незаметно в рябинных кустах,
и навряд ли кому пригодится.

А поверх, несгибаемый, как большевик,
прорастает несметным числом борщевик,
и река с каждым годом как будто быстрее
убегает к лесам беспросветным,
либо это весь мир костенеет вокруг,
поглощая ночами загадочный звук —
это где-то, пугая людей и зверей,
повалились березы под ветром.

И проснувшись от этого треска в поту,
ты лежишь, погружаясь опять в темноту.
И тревожно, и кажется, будто притих
на стремительно тающей льдине.
Понемногу светлеет у ближней версты,
и, одеты в ночные рубахи, кресты
так растерянно выглядят, словно и их,
как тебя, только что разбудили.

«Закрыт на нескончаемый ремонт...»

Закрыт на нескончаемый ремонт,
зеленой сеткой забран горизонт,
а мост четыре года к небу задран.
Но мы, почти не помня этих лет,
на набережной стоя, машем вслед
беззвучно проходящим динозаврам.

Распутываем облачную вязь,
слегка на парапет облокотясь,
устав уже завидовать пернатым,
освоившим полеты поперек.
И разделенный мир в себе упрек
скрывает, словно расщепленный атом.

Чуть в стороне они стоят вдвоем,
всегда под самым ярким фонарем.
Один предался невеселым думам,
сосредоточен, словно в день шестой,
тяжел, но обращаться с пустотой
обучен, как не снилось стеклодувам.

Не путаясь в вопросах старшинства,
он делит все на слоги и слова,

все прочее заведомо отторгнув.
И над любимым из нас наверняка
занесена сейчас его рука,
готовая запечатлеть автограф.

Другой не ищет явного нигде.
Он щурится от бликов на воде,
скрывающих движение в глубинах.
Он словно муж, который окружен
гаремом из одних любимых жен,
но утешенья ждет от нелюбимых.

От темного подспудного труда
ему не полегчает никогда —
но никогда не станет одиноко.
И динозавры за его спиной
ложатся, обращаясь в перегной
и в жижу, бесполезную до срока.

И мы по эту сторону от сна
все смотрим через реку допоздна,
туда, где лампы гасят боязливо.
А между нами серебрится явь,
так просто постигаемая вплавь,
когда б не мчалась в сторону залива.

«Дорога шла неровными отрогами...»

Дорога шла неровными отрогами,
как будто малодушными предлогами.
И вдруг – наверх, где все твое осеннее
трепещет, как под дымом образа.
А впереди виднеется расщелина,
и из нее на нас глядит, ощерена,
такая тьма, что, заходя под сень ее,
спешишь закрыть для верности глаза.

Спешишь забыть, что здесь оставить нечего,
что жизнь идет в обход и – опрометчиво.
Что если она все-таки закончится,
то непременно шалостью пустой.
А память, неумолчная над бездною,
постыдное сыскав или любезное,
коснется их едва – и тут же корчится
и прячется горячей берестой.

Но тяжелеют сумки переметные,
оживших снова обгоняют мертвые,
на фоне неба счетным зубом режется,
какая ни окажется, зима.
И оступаясь на чумных проталинах,

блуждая в поселениях оставленных,
смятенная душа с нахальством беженца
вселяется в бесхозные дома.

«Цепляется взгляд за последние тени...»

Цепляется взгляд за последние тени,
За память проживших не так и не с теми,
за ревность, за жалость, за все, что прижалось
к моей онемевшей душе.
Пропавший корабль пролетает, беззвучен,
над контуром темным лесов и излучин,
над жизнью запойной, над выцветшей поймой —
и вновь исчезает в ковше.

Утраченный миг, пустота на радарх,
день запуска на фотографиях старых.
Неведомой нотой, как вечной зевотой,
небесная давится медь.
И мечется дух, неразрывен и плотен,
от черных тетрадей до черных полотен,
по страшной орбите – от слова «терпите»
до слов «невозможно терпеть».

«То ли солнце в преддверии тьмы...»

То ли солнце в преддверии тьмы
Зависает над краем:
Наши тени все больше, а мы —
Мы почти исчезаем.
Ты поймешь это лучше, прости,
Чем иной обреченный,
Ведь тебе не пристало расти,
Будто лилии черной.

Горсть земли, чья межводная власть
Неделима отныне, —
Ты заветных времен дождалась,
Как и все остальные.
И теперь то, чем живы они
В этом мареве едком,
Достается, как в лучшие дни,
Не потомкам, а предкам.

Твоя тень все растет и растет,
Как шальные наценки,
Но твой плащ – он истреplen, истерт,
Он наброшен на церкви.
И сейчас нам понятен, как встарь,

Светлый ужас, в котором
Ты глядишь на далекий алтарь
Тициановым взором.

И подставленная бризу верфь,
И дворец с темным садом —
Все привыкло смотреть снизу вверх
на вознесшихся рядом,
На паром, что ползет поутру
Из лагуны неспоро,
Как фигурка, что взяли в игру
Из другого набора.

Ты идешь на знакомый вираж,
Для прыжка напряжись.
Прежний мир был приземист, а наш
Оказался прижимист.
Да и город всегда был таков,
Щедрый лишь на осадки —
Рыбаков, как и учеников,
Не бывает в достатке.

Разбежался по тучам озон,
Львы на юг отлетели.
Наступает большой несезон,
Удлиняются тени.
Облетает ухоженный сад,
Не спеша и опрятно.
Ну а мы подрастем – и назад,

Подрастем – и обратно.

«В белом сне, в твоём покое мутном...»

В белом сне, в твоём покое мутном
зазвонит расшатанный металл.
Так щелястый дом похмельным утром
прогревает тот, кто первым встал.

Лязгает безжалостно заслонкой,
гулко снег сбивает о порог,
сыплет тут и там щепкою ломкой,
жизни заготавливая впрок.

У гостей оттаивают лица,
темный день сгорает, обречен.
Хочется укрыться, разделиться
и уже не думать ни о чем.

Встать под вечер, вывалиться в сени,
ощущая, тошноте сродни,
как душа от странных сотрясений
крошится на мелкие огни,

будто бы, готовя к ночи тело,
кто-то безучастный, но благой,
дожигая все, что не сгорело,

разбивает угли кочергой.

«Лес опадает, одновременно знакомый...»

Лес опадает, одновременно знакомый
и равнодушный, будто дальняя родня,
в земле купается потерянной подковой
и прорастает понемногу сквозь меня.
И вместе с ним по этим косточкам, по жилам
весь мир крадется, как давно заведено,
ползет в желании своем неудержимом
соединить неисчислимое в одно.

В лесу осеннем, где неожиданно пахнет вишней,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.